Ноэ Ма

Вечер сюрпризов

Ноэ Ма
Вечер сюрпризов

https://litres.ru/74996707
SelfPub; 2026

Аннотация

Психологическая проза о любви и сложной природе человеческой близости.

О двух взрослых, глубоких и немного надломленных людях, которые учатся принимать друг друга целиком: с противоречиями, уязвимостью, страхами и несовершенствами.

О том, как, узнавая друг друга, герои постепенно узнают и самих себя, открывают незнакомые прежде стороны собственной личности и учатся видеть красоту там, где раньше её не замечали.

Ведь иногда, чтобы увидеть себя, нужно встретиться с человеком, который УВИДИТ тебя.

Ноэ Ма
Вечер сюрпризов

Глава 1

Вечер сюрпризов

Иногда, чтобы увидеть себя, нужно встретиться с человеком, который увидит тебя.

Он ждал её у подъезда минут двадцать. Высокий, статный, с золотистыми волосами и весь в чёрном, он выглядел стильно и сдержанно. «В чёрном ты как дорогое оружие», – сказала она однажды. Он запомнил.

Они были знакомы совсем недолго и ещё не говорили о том, кто они друг другу. Она рассказывала о нём подругам как о друге их общего друга, и получала в ответ ироничное «ну-ну». А он говорил о ней друзьям как о знакомой, но те делали свои выводы, и с тех пор, приглашая его куда-нибудь, неизменно обменивались многозначительными взглядами и добавляли: «и знакомую свою бери».

Они собирались на вечеринку, которую его друзья устраивали в честь открытия ресторана, и заметно опаздывали. Он уже достал телефон и подбирал слова для сообщения, которое должно было одновременно рассмешить её и мягко поторопить, когда дверь подъезда открылась и оттуда выпорхнула она: высокая, изящная, с волосами, заколотыми на за-

тылке. Совет подруг в общем чате настоял на самом коротком платье: с такими ногами, говорили они, нечего скромничать. Но в её манере держаться чувствовалась едва уловимая застенчивость, благодаря которой даже самое смелое платье выглядело на ней органично, словно было продолжением её природной грации.

Заворожённый ею, он на секунду замер, а потом спохватился и двинулся навстречу. Бережно поцеловав её в лоб, он с улыбкой заметил:

– Ты сегодня особенно красивая. Кажется, кое-кому придётся включить режим повышенной бдительности.

Она ответила без тени кокетства:

– У тебя не будет поводов.

***

Когда они приехали в ресторан, вечер уже набирал обороты. Играла музыка, звенели бокалы, гости в нарядных одеждах курсировали между столиками и барной стойкой, знакомились и общались. Вечеринка не имела строгого формата, а среди приглашённых оказались и друзья, и коллеги, и ещё какие-то люди.

Такие мероприятия давно стали частью его жизни. Он знал, как себя вести, легко находил общий язык с людьми и умел растворяться в шуме, не теряя себя. Для неё всё было иначе. В большом скоплении людей она терялась, невольно впитывала чужие эмоции и настроения, а потом ещё долго не могла от них освободиться. Она бы с радостью отключила в себе эту суперспособность, если бы знала как.

Он свободно переходил от одной компании к другой, знакомил её с гостями, шутил. И о ней не забывал: всякий раз, когда отходил, слегка касался её пальцев или спины, давая понять, что он рядом. Она улыбалась, отвечала на вопросы и изо всех сил старалась выглядеть непринуждённо.

Взгляды гостей задерживались на них чуть дольше обычного. Поначалу это не смущало. Они впервые появились вместе на таком мероприятии, и повышенное внимание со стороны окружающих было вполне ожидаемым. Но со временем он поймал себя на том, что уже не просто замечает

чужое внимание, а невольно сканирует зал, пытаясь понять, кто именно и с каким интересом за ними наблюдает.

Что это, ревность?

Он попытался вспомнить, случалось ли ему ревновать раньше. Вряд ли. Он всегда был уверен в себе и скорее привык вызывать ревность, чем испытывать её сам. А тут… Причин для ревности не было. Она держалась рядом, время от времени касалась его запястья, словно искала точку опоры в незнакомом пространстве. С его друзьями была приветлива, смеялась над шутками, но при этом не старалась никому понравиться. Ему нравилось, как она держалась.

Но тем не менее, он по-настоящему ощутил это странное чувство, когда к ним подошёл Лёха, его лучший друг, почти брат. Потому что, как оказалось, у них с ней уже успела сложиться своя особенная химия. Какие-то шутки, мемы, которые она понимала с полуслова. Надо же, раньше он не замечал за Лёхой особого таланта смешить людей. Видимо, талант открывался только по особым случаям. Значит, Лёха теперь интеллектуал с острым чувством юмора. Замечательно. Он смотрел, как после очередного лёхиного перла она вытирает выступившие от смеха слёзы, и чувствовал себя то ли лишним, то ли невидимым.

О, еще один: остроумный, начитанный, харизматичный Костя стоит перед ней с бокалом белого и вещает. И вдруг выясняется, что у них тоже много общих тем: какие-то архетипы, психология – всё то, чем интересовалась она и к чему

он сам никогда особо не тяготел. Он горько усмехнулся про себя: знай он заранее, что вечер превратится в интеллектуальный поединок, – подготовился бы. Хотя бы осилил что-нибудь длиннее подписи к сторис.

Сначала он пытался хоть как-то участвовать в разговоре и вставлять свои реплики, но быстро понял, что в эту беседу не вписывается. Слушал вполуха, гадая, когда Костян вообще успел прочитать столько книг. Было видно, что ей действительно интересно. А он стоял рядом и чувствовал себя идиотом, который способен только улыбаться и кивать невпопад.

Она быстро поладила с его друзьями, и это было прекрасно. И раздражало одновременно. Потому что, если быть честным, ему хотелось, чтобы сегодня вечером она смотрела только на него, как это было всё это время до этого. Он напоминал себе: это девушка, которая тебе нравится и это твои друзья, ты сам их выбрал! Это хорошо, что они нашли общий язык. Но легче от этого не становилось.

Кроме друзей, находились и другие люди – подходили с невинным предлогом вроде «а мы вас раньше не видели». Он прекрасно понимал, в чём дело: будь она чуть менее привлекательна, её бы и дальше благополучно не замечали. Но она слишком красива, слишком интересна, и – что хуже всего – слишком хорошо умела слушать. За её любезностью трудно было разглядеть, насколько неуютно она чувствовала себя в толпе. Он и сам понял это не сразу. Никто из окружающих не догадывался, каких внутренних усилий стоили ей эти разго-

воры. Она бы предпочла стоять где-нибудь в стороне и молча наблюдать, чем поддерживать пустую светскую болтовню. Ему хотелось оградить её от всех этих людей, хотя он ещё не понимал, вправе ли он.

Нет, он не сомневался ни в ней, ни в своих друзьях. Но только это должна была быть лёгкая вечеринка, так почему она превратилась в пытку? Откуда вообще взялось это нерациональное собственничество? Считает ли она, что принадлежит ему так, как он считает, что она принадлежит ему?

Поняв, что больше не в силах справляться с тяжестью собственных мыслей, он отошёл к бару. Взял стакан ледяной воды в надежде немного прийти в себя и стал наблюдать за происходящим со стороны.

***

Она поймала его взгляд через плечо какого-то парня. Приподняла бровь с безмолвным вопросом «Ты как?». Он едва заметно кивнул: мол, нормально. И пусть на нём была его уверенная, открытая улыбка – та, которую она позже назовёт социальной, – она чувствовала кожей: что-то не так. Она училась верить своим внутренним ощущениям, но по привычке ставила их под сомнение до тех пор, пока не получит подтверждения из внешнего мира. А внешний мир её ощущения не подтверждал: он выглядел спокойным, статным, расслабленным – как и всегда. Полный штиль.

Она снова посмотрела на его друзей. Они оказались именно такими, каким он был сам: интересными, ироничными, открытыми. К её удивлению, общение с ними складывалось легко с самой первой встречи. И хотя они виделись всего второй или третий раз, у неё уже не возникало ощущения, что она находится среди малознакомых людей.

Но даже увлёкшись разговором, она продолжала искать его глазами. Ей нравилось, как тусклый свет играл в его золотистых волосах. Для неё он был канонически красивым, почти скульптурным. А эта голливудская улыбка… Она знала эту улыбку. Она знала его лицо до мелочей: едва заметные изменения мимики, характерные жесты, привычки. Его настоящая улыбка всегда начиналась с глаз – они лучились и

от них исходило тепло. Сейчас же её мучили сомнения: его глаза о чём-то кричали, но она не могла понять о чём.

Не ревнует же он?

Мысль мелькнула и показалась нелепой. Он? Её? Бред. Он уверенный. Он не из тех, кто будет стоять и дуться, пока она говорит с его же друзьями. Да и как он будет ревновать, когда он весь такой… Такой. Всеобщий любимец. Женщины любили его за привлекательность, мужчины – за простоту в общении и умение быть своим в любой компании. А она обычная, средненькая. Среднекрасивая, среднеинтересная, среднеумная. Она снова перевела взгляд на него. А он отрешённо смотрел куда-то в сторону.

Да ну, нет. Не ревнует. Хватит выдумывать.

Она вернулась к разговору, продолжая краем глаза наблюдать за происходящим. Он взял ещё один стакан со льдом и направился… к ней? Нет, к Кристине.

О боже. Кристина – его коллега. Надо признать, коллега весьма приятной наружности. Но что ему сейчас понадобилось от Кристины, которая при виде него тут же начинает поправлять волосы, смеяться на полтона выше и при каждом удобном случае касается его?

Она ощутила, как в груди закипает раздражение. Это не ревность. Нет. Она же прекрасно знает, что такие, как Кристина, его не интересуют. Это просто… наблюдение. Просто Кристина ведёт себя как идиотка, а он стоит и слушает. Ещё и улыбается.

Ну и пусть,

– сказала она себе так убедительно, как только могла. И без того грациозная, она выпрямила спину так, будто безупречная осанка могла помочь ей возвыситься над происходящим. Всем своим видом она давала понять, что её ничто не беспокоит. И прежде всего – самой себе.

***

Он стоял рядом с Кристиной и сам не понимал, что его сюда привело. Какая-то дурацкая, детская логика: она там смеётся с Лёхой и Костей – тогда он тут посмеётся с Кристиной. И вроде как квиты.

Искусно поддерживая беседу, он то и дело поглядывал в сторону друзей и той, кого ещё не решался назвать своей девушкой. Но на этот раз его внимание привлекла не она, а Лёха. Он смотрел на друга и чувствовал, как внутри закипает что-то тихое и горькое.

Вот Лёха – человек, которому он доверяет как самому себе, – смотрит на ту, кому хотелось бы доверять так же. И откровенно, почти беспомощно плывёт. Наверное, почти так же, как он сам, когда смотрит на неё.

Он вспомнил, как она сказала про Лёху после знакомства: «У него такие добрые глаза». Он тогда кивнул и даже обрадовался, что она так быстро разглядела в друге то, за что сам его любил. А теперь эти добрые глаза смотрели на неё. И что самое главное, Лёха тоже начал замечать, что она… особенная.

Внутри поднималось неприятное чувство. Не потому, что Лёха был плохим. Наоборот – слишком хорошим, слишком надёжным.

Это была не злость на друга. Скорее, горечь, направлен-

ная на себя.

Он перевёл взгляд на Кристину. Она щебетала о каком-то новом проекте, прикасалась к его руке, заглядывала в глаза – всё это сейчас казалось таким незначительным и пустым. Но использовать одну девушку, чтобы досадить другой? Дожили.

И всё же заставить себя отойти казалось невозможным: ведь тогда пришлось бы вернуться туда, где были она и Лёха. Видеть увлечённый взгляд друга и понимать, что ничего не предпримет. Потому что Лёха – друг. Потому что никаких причин для вмешательства нет. Он ощущал полное бессилие.

От Кристины же ему ничего не нужно – а значит, самое безопасное место в ресторане сейчас здесь. Он поднёс к губам стакан с водой, улыбнулся одной из самых обаятельных фальшивых улыбок и сказал:

– Расскажи подробнее про проект.

***

По дороге домой они почти не разговаривали. Но это была не та тишина, когда хорошо молчать вдвоём, а та, когда каждый думает о своём так напряжённо, что кажется: мысли могут быть слышны за пределами собственной головы.

Он вёл машину ровно и спокойно, как всегда. Она смотрела в окно. На него смотреть не хотелось. Тихо играл плейлист, который они успели собрать вместе. Каждая песня несла в себе скрытые смыслы, понятные только им двоим.

Как странно: время будто разделилось на до и после вечеринки. Она вспоминала, как он стоял рядом с Кристиной ближе, чем хотелось бы, и улыбался ей шире, чем та этого заслуживала. А он думал о том, как она смеялась с Лёхой, глядя в его добрые глаза, и о связи, которая, как ему казалось, постепенно складывалась между ними.

Никто никого не предал, не обманул, не перешагнул черту. И всё же что-то было не так. С этой вечеринки они увозили с собой усталость и вопросы, которые боялись озвучить. И всё, что действительно хотелось сказать друг другу, так и оставалось невысказанным. Вместо этого они обменялись ничего не значащими репликами:

– Всё нормально? – спросил он, не поворачивая головы в её сторону.

– Да, просто устала, – ответила она, прислонившись вис-

ком к стеклу. – А у тебя?

– Тоже.

И снова тишина. Оба знали, что врут, но не решались сделать шаг навстречу. Сказать, что что-то не так, значило бы признаться: *ты стал для меня важнее, чем я предполагал*. Но обоим казалось, что прошёл слишком короткий срок для таких откровений.

***

Он отвёз её домой и уехал, попрощавшись так, будто пытался отменить не только этот вечер, но и ту близость, которая была между ними до него. Она ответила ему тем же.

Теперь она стояла в прихожей, не разуваясь и не снимая сумки с плеча. Не заметила даже, как небрежно брошенные ключи со звоном пролетели мимо тумбочки. В голове один за другим всплывали эпизоды последних часов. Как они, сияющие и счастливые, заходили в ресторан. Он казался ей таким особенным, почти мистическим, и рядом с ним она ощущала себя такой же.

А потом – Кристина с её неестественным смехом и раздражающей красотой. Возможно, эта красота не казалось бы такой раздражающей, если бы не *его* внимание к ней… Воображение беспощадно рисовало картины того, насколько гармоничной парой они могли бы быть.

Она понимала, что сравнивать себя с кем-то не имеет смысла. И всё же посмотрела в зеркало. Удивительно, насколько разными могут быть отражения в одном и том же зеркале – до и после одной и той же вечеринки. До и после Кристины.

Она с грустью вспоминала его фальшивую улыбку. И то, как его что-то тревожило, и он не подавал виду, оставаясь со всеми таким же лёгким и общительным, как и всегда. Имен-

но это и расстраивало. Ей так хотелось верить, что уж с ней-то он не будет прятаться за привычной улыбкой. Но он промолчал – не посчитал нужным делиться с ней.

В любое другое время тишина квартиры после вечеринки была бы её спасением. Но сейчас она не просто давила – она обвиняла.

Сколько раз ты говорила себе: спрашивай! Говори с людьми, которые тебе важны. Не додумывай за них, пока не поговоришь.

Она продолжала смотреть на своё отражение в зеркале. Вроде бы всё та же девушка, которая всего несколько часов назад выходила из квартиры, уверенная, что вечер будет лёгким, как и все вечера, проведённые с ним.

Но… разве он не имеет права быть другим? Сложным, грустным, непонятным? Разве не это делает его живым?

Она продолжала смотреть в зеркало и видела всё ту же девушку, но с одним отличием: блеск в глазах погас.

***

Иногда ясность приходит, когда перестаёшь давать оценку тому, что случилось: как поступил ты, как поступил другой. Просто принимаешь: да, так получилось.

Была ли ревность? Скорее всего – и с обеих сторон. Но имеет ли это значение сейчас, если человек ощущается как *тот самый*? Если за всё это время она ни разу не усомнилась в своих чувствах к нему? Если она видела его настоящую улыбку – и хотела видеть её снова и снова? Есть ли смысл ждать, что всё разрешится само собой, если она уже знает, чего хочет?

Она достала телефон. Руки слегка дрожали. Она понимала, что он может не разделять её чувств, но на этот раз решила не позволять страху говорить за неё.

Он ответил после первого же гудка. Она спросила:

– Не хочешь зайти ко мне? Сейчас.

Короткая пауза.

– Разворачиваюсь.

Он положил трубку и резко развернул машину. Сердце стучало где-то в горле. Он не очень любил копаться в себе и давать определения своим чувствам. Обычно ему было достаточно просто понимать, что происходит, и не искать этому объяснений. Но сейчас всё было иначе. Ему вдруг стало совершенно ясно, что он не хочет оставлять этот вечер та-

ким. Не хочет недосказанности, догадок и расстояния между ними.

***

Она привыкла ощущать себя немного инопланетянкой среди людей. Думала о себе как о «слишком»: слишком эмоциональной, слишком восприимчивой, слишком ранимой. Ей казалось, что её способ чувствовать мир какой-то неправильный и что такая сила переживаний может пугать людей. Поэтому она училась казаться легче, чем была на самом деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.